функциях является отклонением от нормы и должно рассматриваться как реликт предшествующей стадии развития. Очевидно, что после слияния дательного-местного с инструментальным функции синкретического датива стали настолько обширными, что передавать их посредством одной лишь падежной формы стало просто невозможно. Для формальной дифференциации локативной и социативной функции начинают использоваться предлоги и другие вспомогательные средства. Так, наряду с чисто падежными формами — дативной и инструментальной — появляются и предложно-падежные формы — локативная и социативная.

Для вопроса об инструментальном падеже в языке крито-микенских надписей большое значение имеет трактовка окончаний -o-i, -a-i как -oihi, -āhi. В языке классического периода в окончаниях дательного падежа последствия перехода s > h как будто бы не засвидетельствованы. У Гомера мы имеем дело с окончаниями -οισι -ηισι, т. е. с сохраненным интервокальным σ. М. Лежен объяснял этот факт восстановлением -σ- в первом и втором склонениях по аналогии к третьему [27]. Выдвинутое им объяснение имеет надежные аналогии в глагольной флексии и вполне приемлемо. Еще дальше идет в этом вопросе О. Семереньи, который полагает, что σ в этих окончаниях в послемикенский период вообще не восстанавливалось. Окончания -oihi и -āhi перешли, по его мнению, в -oi, -ai, которые затем стянулись в один слог и таким образом совпали с окончаниями именительного падежа мн. ч. Поэтому в некоторых диалектах они были расширены окончанием атематических основ -σι: ἵπποι > ἵπποι > > ἵπποι + σι > ἵπποισι [28]. У атематических основ окончание -σι сохранилось, так как в большинстве случаев не находилось в интервокальном положении: φύλακ-σι δαίμον-σι > δαίμοσι и т. п.

Для языка гомеровского эпоса такое объяснение, по-видимому, неприемлемо, так как здесь часто сохраняется зияние на месте выпавшего -σ- и, следовательно, встречались бы допустимые по метрическим нормам трехсложные окончания -οϊσι, -αϊσι. Поскольку этого нет, то следует отдать предпочтение объяснению Лежена. С другой стороны, предположение Семереньи хорошо объясняет загадочную аттическую форму (с локативным значением) Μεγαροῖ (вместо ожидаемого *Μεγάροισι от топонима Μέγαρα). Поэтому следует полагать, что восстановление интервокального -σ- в окончаниях -αισι и -οισι произошло до стяжения οϊ и αϊ в один слог. Стяжение наступило лишь в форме Μεγαροῖ в силу ее внепарадигматического, адвербиального характера. Эта форма указывает на допустимость интерпретации микенского -o-i как -oihi.

Другой след асигматического окончания -oihi мы находим в окончании косвенных падежей двойственного числа -οιν. У Гомера это окончание засвидетельствовано также и в нестянутом виде, например, ἵπποιιν (от ἵππος «конь»). Предположение о том, что -οιν восходит к -οισι(ν) через -οιιν, было выдвинуто Х. Хиртом и поддержано А. Кюни [29, 30]. Конечное -ν в этом окончании легко объясняется влиянием местоименной флексии, его вторичность подтверждают и эпиграфические варианты παῖδοι (от παίϛδοι «ребенок»), θάνο(ν)τοι (от θανών «умерший), τοῖ *Fανάκοι* (от *Fάναξ* «царь»). Таким образом, к микенскому -oihi восходит не только датив мн. ч. на -οισι, но и окончание датива-генетива дв. ч. на -οιιν/-οιν. Это подтверждается двойственной функцией микенского -o-i. С одной стороны, оно выступает как окончание дательного-местного падежа мн. ч. основ на -o-/-e-, с другой — как окончание косвенных падежей дв. ч. всех основ. Например, wa-na-so-i «двум царицам» — дательный падеж от wanassa (класс. ἄνασσα «владычица»), qo-u-ka-ra-o-i=g^{u}ou-karāoihi «с двумя бычьими головами» — инструментальный от g^{u}ou-kara (класс. βοῦς «бык» и κάρᾱ «голова»). Заметим, что и в аттическом диалекте -οιν выступает в двойственном числе не только у тематических основ, но также и у атематических. Это дает основания считать микенское -o-i и классическое -οιιν/-οιν генетически тождественными формами. Тогда зияние в гомеров-